

литературное
ОВО
обозрение

№ 26 (1997)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Козлов (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуфо (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

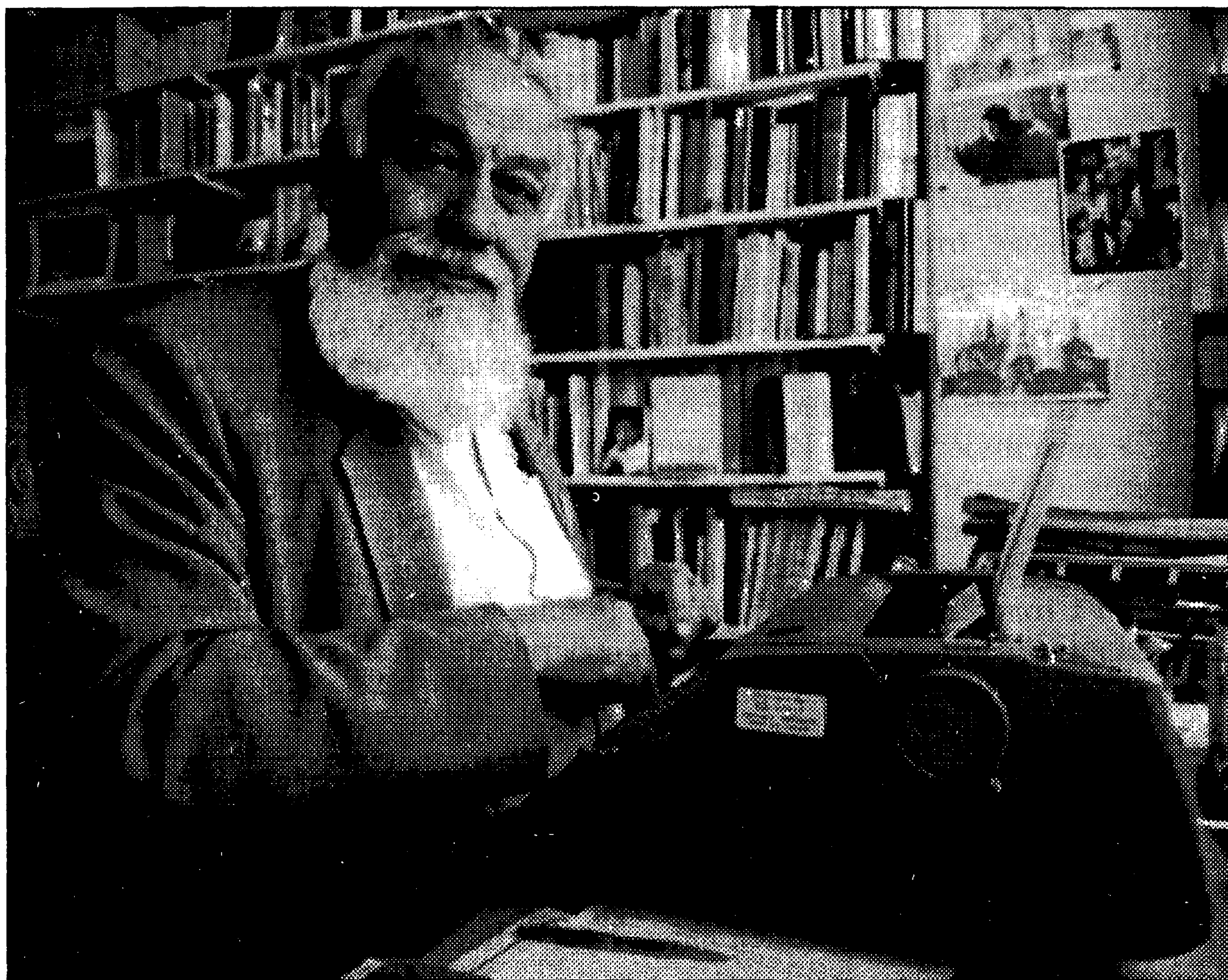

МОСКВА

IN MEMORIAM

ЛЕВ ЗИНОВЬЕВИЧ КОПЕЛЕВ

(9 апреля 1912 г. — 18 июня 1997 г.)

Умер Лев Копелев — писатель, критик, филолог-германист. Умер в Германии — стране, любовь к которой он пронес через всю жизнь, стране, ставшей его второй родиной.

Копелев родился в 1912 году в Киеве. С детства хорошо знал немецкий язык — его соседями по дому были немцы, с которыми он тесно общался. В 1935 г. вместе с родителями он переехал в Москву и поступил на немецкий факультет Института иностранных языков. Закончив аспирантуру ИФЛИ перед самой войной, в мае 1941 г., успел защитить кандидатскую диссертацию на тему «Драматургия Шиллера и проблемы Французской революции».

В армии Копелев был инструктором по пропаганде в войсках противника. В 1945 г. его арестовали по обвинению в «буржуазно-гуманистической пропаганде сострадания к врагу, неисполнении приказов, оскорблении командования, советской прессы, писателя Ильи Эренбурга и союзников». В общей сложности он провел почти десять лет в тюрьмах и лагерях; оказавшись в знаменитой «шарашке», познакомился с Солженицыным. (Копелев, как известно, послужил прототипом Льва Рубина — одного из героев повести Солженицына «В круге первом».) Именно Копелев принес впоследствии в «Новый мир» рукопись «Одного дня Ивана Денисовича». Со времен «шарашки», с разговоров с сокамерниками — Солженицыным и Паниным — началась трансформация взглядов Копелева из сталинистско-коммунистических в «более-менее человеческие» (по выражению Дмитрия Панина). Эта эволюция отражена в достаточно известной в России автобиографической трилогии («Хранить вечно», «И сотворил себе кумира», «Утоли моя печали»). Прозревал Копелев медленно, тяжело, это был мучительный путь «выдавливания по капле из себя раба», путь освобождения не только от прежней веры, но и от любых идеологий. «Новый опыт рождал новые мысли и трудные, часто неразрешимые сомнения. <...> Прошло более десяти лет (после выхода из тюрьмы. — И. Ф.), пока я убедился, что уже не способен шагать ни в каком строю... <...> К началу шестидесятых годов я стал понимать, что сталинская политика была порочна <...> вся целиком <...>, что необходимо решительно пересмотреть и самые основы моих взглядов на мир и на человека, на законы истории, на соотношение бытия и сознания, политики и нравственности. <...> Кающимся блудным сыном вернулся я к Льву Толстому, Короленко, Шиллеру, Герцену. Совсем по-иному, чем раньше, открылись мне и они — любимые с детства, — и те беспредельные миры Евангелия, Пушкина, Гете, Достоевского, которые в молодости я воспринимал плоско, обедненно. <...> Открытия потрясали. Вероятно, подобную радость испытывали ученики Галилея, вырываясь из тесной, наглухо замкнутой Птолемеевой вселенной. <...> Хочу быть свободен от какой бы то ни было <...> зависимости духа. И уже никогда не поклонюсь ни одному кумиру, не покорюсь никаким высшим силам <...>» («Утоли моя печали», 1981).

После возвращения в Москву и реабилитации Копелев много публиковался: выходили из печати его книги, статьи о немецких писателях, рецензии. С конца 60-х годов вплоть до отъезда из России в 1980 г. он активно занимался правозащитной деятельностью, за что, собственно, он и его жена Раиса Орлова были лишены советского гражданства в 1981 г. В Германии Копелев получил место профессора в Объединенной высшей школе (г. Вупперталь) и приступил к осуществлению своего проекта по исследованию истории «взаимного узнавания русских и немцев». Копелев пользовался большим уважением у государственных деятелей ФРГ (к его советам прислушивались, его просьбы исполнялись), но и в целом его популярность в Германии была необычайно велика. (Автор этих строк имел случай убедиться в том, что в Кельне действительно «даже шофер такси знает, кто такой Копелев»). Еврей, в годы войны защищавший немецких граждан от притеснений своих однополчан-мародеров, знаток, любитель и пропагандист немецкой культуры, Копелев был в известном смысле фигурой уникальной. Объективно его деятельность помогала многим немцам освобождаться от комплекса вины, способствуя преодолению национально-культурной отчужденности по отношению к евреям. Сам Копелев осознавал себя посредником между двумя культурами — русской и немецкой. Об этой его роли культурного медиатора писал Белль (в письме Копелеву 1982 г.): «Ты здесь так же необходим и незаменим, как был там, ты — связной, партийно-беспартийный и страстный <...> Скажу тебе нечто столь же безумное, сколь и банальное — ты нужен Германии (что ты нужен России —

это само собою разумеется), нужен как русский с немецким паспортом, как еврей с немецким паспортом (спорить ли нам с тобою о паспортах? Думаю, не надо), как социалист (?) с немецким паспортом, как космополит, укорененный в почве (да, да!) — ты именно необходим, незаменим. <...>» Не случайно главным делом своей жизни Копелев считал Вуппертальский проект. А ее смыслом и целью — «осуществление плодотворного товарищества двух великих народов». Не случайно также, что его чрезвычайно занимали выстраданные, оплаченные собственной кровью и опытом и потому отнюдь не банальные для него проблемы нации и государства (он полагал, что «государственно-политические, идеологические и административные традиции чужды или прямо противоречат традициям национальной культуры»), войны и мира (как и многие правозащитники, Копелев отождествлял борьбу за права человека с борьбой за мир, а основу «искусства мира» он видел в веротерпимости и приверженности «духу Нагорной проповеди»). Даже две мировые войны не смогли разорвать тонкие, но прочные нити русско-германских духовных связей. Выявить историю этих отношений, найти причину «взаимной любви и ненависти», донести свои знания до современников — для того чтобы никогда не повторилось то самое страшное, к чему и он был причастен, — такой он видел свою задачу.

По замыслу Копелева, Вуппертальский проект представлял собой «зеркальное» издание двух серий — немецкой и русской. В первую входили тома, посвященные «изображению России и русских» в немецкой литературе на протяжении веков, во вторую — посвященные «изображению Германии и немцев» в русской литературе. Всего было выпущено шесть томов: три «немецких», два «русских» и один специальный (двуязычная антология) — «Немцы и Германия в русской лирике начала XX-го века». Немецкие тома охватывают период с IX в. по 1871 г. (т. е. год образования империи), русские — с XI в. по конец XVIII. Готовится к выходу в свет третий русский том — исследования доведены до середины 1860-х гг., то есть до эпохи реформ Александра II. (Насколько нам известно, со смертью Копелева работа группы его сотрудников не прекращена, и издание, видимо, будет продолжено.) Со временем проект разрастался (в прошлом году Копелев принял решение не останавливаться на начале века, а довести труд до наших дней) — материалы для последних томов отбирались более тщательно, статьи писались специалистами с обеих сторон. (В перестроечные и постперестроечные годы появилась возможность привлекать к участию в проекте и российских ученых.) Если о самом Вуппертальском проекте в российской печати уже сообщалось, то о сопутствовавших ему процессах, о внутренних его механизмах не известно практически ничего. С этой точки зрения, несомненно, представляют интерес документы, проливающие свет на то, как организовывалось это важное в культурном и научном смысле дело, рассказывающие вообще о деятельности Копелева в период его жизни за рубежом.

Мы публикуем здесь автобиографию и письма Копелева, написанные в 80-е годы и адресованные дочери Раисы Орловой Марии (в то же время предназначенные всем родственникам и друзьям; Копелев их так и называл: «всемирные»). Тогда, во времена жесточайшей цензуры, разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы отправлять письма прямым путем — почтой. Они передавались с оказией, писались в спешке и потому изобилуют сокращениями и орфографическими погрешностями, которые, соответственно, раскрыты и исправлены без оговорок (за предоставление материалов и оказанную помощь искренне благодарю Марию Орлову).

АВТОБИО. Кратко и подробно.

Копелев Лев Зиновьевич род<ился> 9 апреля 1912 года в Киеве; отец — земский агроном, мать — домохозяйка.

- 1922—27 школа, сперва в Киеве, потом в Харькове (семилетка).
- 1927—29 случайные работы (направл. с биржей подростков): разнорабочий, ученик токаря.
- 1929—30 преподаватель школы для малограмотных (ликбез) при депо станции Основа.
- 1930 женитьба на студентке Надежде Колчинской.
- 1930—33 сперва рабочий, потом сотрудник заводской газеты (редактор цеховой газеты-листовки) на харьковском паровозном заводе им. Коминтерна.
- 1933—35 студент философского факультета Харьковского Гос. Университета.
- 1935—38 студент немецкого факультета Московского Пед. Института Иностранных Языков.
- 1938—41 аспирант и преподаватель (ассистент) лит. фак. Института Истории, Философии, Литературы (МИФЛИ).
- 1941 май защита диссертации: «Драматургия Шиллера и проблемы <Французской> революции».

Август 1941 — Апрель 1945 офицер-пропагандист, «старший инструктор по работе среди войск противника», в политуправлении Северо-Западного Фронта (до ноября 1943 года), Второго Белорусского Фронта.

Апрель 1945 арестован контрразведкой СМЕРШ, по статье 58 п. 10; обвинение: «пропаганда буржуазного гуманизма и жалости к противнику... клевета на командование Красной Армии и т. д.»

1945—54(декабрь) заключенный (следственные тюрьмы, лагеря: Унжлаг, Большая Волга; спецтюрьмы в Марфино, в Кучино).

1955—56 Москва. Случайные работы: переводы, статьи и заметки под псевдонимами.

1956 реабилитация, восстановлен в КПСС. Женитьба на Раисе Давыдовне Орловой-Копелевой.

1957—60 преподаватель истории зарубежной печати на редакторском факультете Московского Полиграфического Ин-та.

1960—68 научный сотрудник Московского Института Истории Искусств (работы по истории немецкоязычного театра и театроведения).

В эти же годы читал лекции по путевкам Союза Писателей, общества «Знание» или по приглашениям университетов, библиотек и т.п. в Ленинграде, Новосибирске (академгородке), Тбилиси, Ереване, Саратове, Куйбышеве, Астрахани, Киеве, Ужгороде, Львове, Одессе, Владивостоке и мн. др.

1968 исключен из КПСС и уволен из Института за участие в правозащитном движении и публикации в зарубежной печати (напр., статья «Возможна ли реабилитация Сталина?» в февральском номере журнала «Тагебух» — Вена).

1969—77 отдельные публикации в журналах, чаще всего под псевдонимом; изредка лекции в других городах (Тбилиси, Таллин, Новосибирск).

- 1977 исключение из Союза Писателей.
- 1980 премия им.Фридриха Гундольфа, присуждена Академией
Языка и Литературы (Ганновер/ФРГ).
- Приглашения Генриха Белля, графини Марион Дёнхоф и Ганноверской
Академии, поддержанные Вилли Брандтом. Р. Д. Орлова и Л. Копелев полу-
чают разрешение провести один год в ФРГ.
- 12.11.1980 прибыли в Кельн в дом Генриха Белля.
- 12.01.81 лишение гражданства Р. Д. Орловой и Л. Копелева.
- 1981 февраль присвоено звание почетного доктора философии Кельнского
Университета.
- 1981 апрель—июль читал лекции и вел семинар в Гёттингенском Уни-
верситете (русско-немецкие литературные связи).
- 1981 октябрь премия Мира Немецких Книготорговцев и Издателей.
- 1982 профессор Бергского Университета г. Вупперталь, руководи-
тель исследовательской группы по изучению истории «взаимного узнавания
русских и немцев» («Вуппертальский проект»).
- 1984 присвоено звание почетного доктора «Новой Школы Соци-
альных Исследований» в Нью-Йорке. В 80-е годы вместе с Р. Д. Орловой чи-
тал лекции и вел семинары в университетах: Колумбийском (Нью-Йорк),
Принстонском, Гарварде (Бостон), Беркли, Стенфорд, Анн Арбор и Йейле, а
также в Женеве, Линце, Зальцбурге, Амстердаме.
- 1989 две поездки в Москву. В апреле вместе Р. Д. Орловой, в ию-
ле отвез урну с ее прахом для погребения в Москве.
- 1990 восстановлено гражданство СССР. Награжден перстнем Ле-
онгарда Франка, учрежденным городом Вюрцбург.
- 1991 премия им. Эриха Марии Ремарка (г. Оснабрюк). Гос. пре-
мия Земли Северный Рейн — Вестфалия.
- 1992 награжден медалью Сената города Бремена. В Бременском
Университете учреждена стипендия им. Л. Копелева.

ВСЕМНЫЕ ПИСЬМА

Кельн, 24 мая 1982г.

Дорогая Марусенька, дружок наш милый!

Это всемное письмо пойдет тебе. Твой подвиг по перепечатыванию моих
сверхдлинных писем (не говорю «расшифровка», т. к. ты великодушно отвер-
гла это определение) побуждает меня хоть несколько облегчить и тебе рабо-
ту, вот и печатаю... Простое письмо, отправленное Люсе-Мише¹, было нача-
то и...прервано в Вене, в самый первый день моего трехдневного пребывания
там, чрезвычайно насыщенного впечатлениями и событиями. От того письма
копии не осталось, и возможно я здесь что-то повторяю, но хочу все же отчи-
тываться перед вами с предельной (для меня) тщательностью, почти дневни-
ково. Итак, сперва чистая летопись (вернее, «днепись» — каково новое сло-
вечко вместо простейшего «дневник»?).

4 мая (вторник). Приехал поездом утром. С вокзала прямо в аэропорт встречать Беллей; там же первая пресс-конференция: оттуда в гостиницу, 1ч. 30 в ресторане «Экль» (уголок) обед с Крайским², его замами и еще двумя десятками гостей — редактора газет, телевидения, радио. Кратчайший отдых в гостинице. Потом в большой «зал города». Там в огромном темном зале вроде зимнего стадиона 5000 людей и на освещенной сцене председатель клуба им. Карла Реннера — основное культурно-просветительское учреждение австрийской социалистической партии, Генрих Белль и я, не знающий, куда девать отяжелевшие и какие-то неуместные руки и ноги, в стороне за другим столиком двое замов Крайского, он сам с женой внизу, в первом ряду. Говорит председатель, потом докладывает заместитель (по партии) Крайского (Курт) Блеха, примерно сорокалетний, сын крестьянина, толковый, хитроватый, спокойный, он говорит о движении за мир, а больше всего о Белле и обо мне, хвалит долго и чрезвычайно преувеличенно (меня), от этого безнадежное чувство стыда, неловкости и... нудности. Безнадежность от того, что не опровергать же его сейчас, здесь, от этого только хуже получится. Не люблю говорить «про себя», ни хвастаться, ни смиренничать — ведь публичное смирение — то же хвастовство. После него моя очередь. (Генрих настоял, чтоб начинал я.) Говорю все о том же: что нет мира без соблюдения прав человека, называю имена наших людей, которых борьба за мир привела в тюрьму, в лагерь, в ссылку, говорю, что только их освобождение может быть надежной порукой настоящей, а не липовой «разрядки» (если интересно, пришлю стенограмму). Из зала время от времени — из мрака — выкрики, один и тот же пронзительный голос немолодого мужчины, видимо «левака», — когда я сказал, что ни в коем случае нельзя отождествлять государство с народом, он прокричал «и на Западе тоже». Потом говорил Генрих, вернее читал свой очерк-эссе о создании «образа врага», о натравливании на людей других народов, других религий, других убеждений и т. п. Ему тот же голос кричал: «Борьба за права человека — это путь к третьей мировой войне!» В заключение выступил Крайский; он очень проникновенно, как-то даже не в его стиле патетично, выхвалял «дорогих гостей». Кажется, впервые в жизни меня публично обозвали «великим человеком»... Крайскому крикун досаждал уже лично — то и дело орал: «Ты лицемер!», «Ты лжец!», «Ты ведешь к третьей мировой войне»... После этого мы, по сути не отдохнув, были увезены на телевизионную станцию для дискуссии «с открытым концом», т. е. начали в 10 вечера и продолжали до изнеможения аж до часу ночи. Вел дискуссию редактор левого социалистического журнала Наннинг — опытный, самоуверенный, хитрый мастер таких спектаклей, участвовали — тот же Блеха-социалист, бывший консервативный мининдел Грубер, новый генсек «народной партии» Граф — лощеный, велеричивый адвокат, умный и нескрываемо злой, старый дипломат, член «партии свободы» (тоже консерватор) Кредлер, красивый, тонкогубый, седой, не скажешь старик, высокомерный, образованный, великосветский; единственная женщина — все шутили: «групповой портрет с дамой»³ — Петра Келли⁴, председательница новой партии (ФРГ) «зеленых», пацифистка из бывших левых социалистов, лет под 40, хорошенькая, точнее суховато-спортивно-миловидная, неудержимо разговорчивая, все знающая, прочно владеющая всеми абсолютными истинами, а вообще похожа на записную золотую медалистку из хорошей московской школы, которая к тому же пионервожатая и член бюро райкома... (Павел Когоут⁵, который лежал в тот день в больнице и наблюдал весь этот спектакль по телевизору, когда я его навещал на следующий день, сказал: «Ох, как я жалел вас, от этой девки — она точь-в-точь как наши вожатые в Союзе молодежи — можно было взбеситься»), и опять-таки Генрих и я. И опять-таки впервые я

оказался в числе «представителей ФРГ» — втроем с ним и с этой зеленой Жанной Д'Арк-Зоей-Розой Люксембург-Екатериной Фурцевой... Все другие были австрийцы. Дискуссия продолжалась три часа. Наибольшего труда мне стоило огрызаться на два фронта от идиотического и примитивнейшего антикоммунизма Графа и Кредлера и от почти столь же идиотически наивного, хотя и менее злобного все же, антиамериканизма нашей дамы, которая трещала в пулеметном темпе, сыпала статистическими данными, где сколько ракет, подводных лодок, какие доходы получают американские капиталисты в Чили, Сансальвадоре, сколько погублено лесов и вод, детская смертность в Европе, Азии, Африке и т. д. и т. п.

Ну вот видишь, хотел краткую опись дней, а полез опять в подробности, тпру, перехожу на телеграфный лаконизм.

5 мая днем у Когоута в больнице, у него был перелом ноги + тромб в легком. Но с тех пор уже поправился, писал мне из Норвегии, куда ездил на премьеру своей новой (отличной) пьесы «Мария борется с ангелами» (об этом в следующий раз).

Потом были час-полтора в книжном магазине — «надписывание книг» — местный обычай (и в Германии тоже), очень утомительный, сидишь как болван и расписываешься на своих книжках, а к тебе очередь, как за колбасой или джинсами, и нужно улыбаться и то и дело отвечать на вопросы: «Как вам нравится на Западе?», «Вы скучаете по Москве?», «У вас есть дети?» и т. п. В иные такие часы я ощущаю себя заигранной пластинкой, иглолка скребет все по одной канавке...

Два приема: сперва у бывшего культуратташе в Москве, и там славные земляки, потом во дворце прием издательства «Лямуф» (т.е. Рене Белль⁶, стояние с бокалами и говорение вообще и в частности, с кем неизвестно, и снова и снова те же вопросы, сахарные и сахариновые комплименты, бумажные цветы стандартных похвал)... Оттуда меня умыкнули трое чехов, среди них Елена Когоут⁷, и повели по венским трактирам и кафе, от усталости я пил больше, чем обычно, еле дополз до гостиницы. А венские трактиры и кафе — это особая и совершеннейшая прелесть. Никакой роскоши, напротив, даже некая почти нарочитая запущенность, заурядность мебелировки и украшений, но зато общий «дух» — атмосфера полнейшей непринужденности, веселое равенство, хозяйева одинаково приветливы и к тому, кто весь вечер сидит за одной кружкой пива, и к тем, кто пирует с шампанским и дорогим коньяком. Кафе Хавелка — фамилия хозяина — мне так понравилось, что я на следующий день повел туда друзей и должен был прочесть-проглядеть два толстенных тома вырезок и снимков, посвященных этому традиционно венскому кафе литераторов и художников. Там на стенах картины и рисунки, акварели и гуаши, которыми расплачивались завсегдатаи, не имевшие денег, а хозяин несколько лет тому назад получил орден от правительства «за соблюдение добрых традиций венского гостеприимства». Он и хозяйка сами обслуживают вместе с двумя официантами, так же расторопно, запросто-приветливо... Стоп! Опять залез в подробности.

6 мая с утра двухчасовая радиозапись уже у нас в гостинице (предоставлен для этого отдельный номер). Опять «дискуссионный клуб». Сначала пугаюсь, уж слишком необычная компания: историк-философ Фр. Хеер⁸, очень известный, пришел еле-еле, на бледном желтом лице явственная тень скорой смерти. («У меня уже два рака — легких и кишечника, а тут еще и ревматизм привязался, очень уж гадки эти новые боли», — говорит спокойно, без рисовки, без отчаяния, не бьет на жалость и никак не кокетничает, просто живет в ожидании скорого конца и старается не терять ни минуты.) Потом были богослов, доминиканский монах, профессор-биолог, Генрих и я. Вели

разговор: очень умная, да еще и красивая молодая женщина Долорес Бауэр — редактор радио и ее молодой помощник, тоже умный и опытный «разговорщик». И получилось все, не в пример телеспектаклю, очень интересно. Тон задал Хеер, ему вторила Бауэр; говорили уже не вообще о борьбе за мир, Польше, ракетах и т. п., а о жизни и смерти, о возможностях людей жить, не скрывая противоречий и конфликтов, но и не подавляя, не пытаюсь решать их силой. Если получу стенограмму, pošлю вам. Все вокруг меня говорили так серьезно и умно, что я почувствовал, что становлюсь умней.

А теперь надо кончать. Уходит почта. В тот же день 6-го я вечером уехал домой в Кельн — впрочем, и впрямь сейчас мы приезжаем сюда уже вроде, как домой, особенно если есть письма от вас. На этом «продолжение следует». Обнимаю крепко-крепко и целую моих родных любимых. Пишите, пишите, пишите и будьте здоровы, здоровы, здоровы (это и призыв и заклинание).
Ваш Лев.

- 1 *Люся* — Валерия Давыдовна Медвинская (р. 1923), сестра Раисы Орловой. *Миша* — Моисей Давыдович Медвинский (р. 1921), муж Валерии Медвинской.
- 2 *Бруно Крайский* (1911—1990) — председатель Социалистической партии Австрии в 1967—1983 гг., канцлер Австрии в 1970—1983 гг.
- 3 Реминисценция названия романа Белля «Групповой портрет с дамой» (1971, перевод на русский — 1973).
- 4 *Петра Карин Келли* (1947—1992) — лидер партии «зеленых», депутат бундестага с 1983 г.
- 5 *Павел Когоут* (р. 1928) — чешский драматург и прозаик, с 1977 г. живет в Австрии.
- 6 *Рене Белль* — сын Генриха Белля. Основатель и владелец издательства «Лямуф».
- 7 *Елена Когоут* — жена Павла Когоута.
- 8 *Фридрих Хеер* (р. 1916) — автор книги «Europäische Geistesgeschichte» («История европейской мысли»), 1953 (по данным справочника Der Grosse Kulturfahrplan, München—Berlin, 1993)

Кельн, 27.III 1983 г.

Марусенька, родная!

Еще в прошлом месяце начал было большое письмо тебе и не закончил даже третьей фразы, а потом пошли всякие хвори, срочные-пересрочные дела и поездки... Между тем получаем от тебя такие подробные, такие бесконечно важные и необходимые нам письма, и так за тебя тревожно, больно, так хочется хотя бы на час быть рядом с тобой, хоть как-то помочь вам, так мучительно стыдно становится за свое благополучие. От этого стыда бывает трудно писать, но в то же время понимаю, что и тебе и всем интересно узнавать про маму, про наши дела, наш быт, и хочется поделиться с вами тем, что нас больше всего занимает, тем, чем мы здесь заняты, на что тратим время, силы, чему радуемся или печалимся. Поэтому проще всего оказывается как бы переписывать дневник, отчитываться если не за дни, то за недели. Ну вот, к примеру, последние два дня — (если не оторвут, потом расскажу о нашей поездке в Англию с 15-го до 21-го марта). — Позавчера была опять трудная ночь — маму донимают бессонницы с головными болями, а меня все то же

подлое брюхо, и нас обоих — погода — частые смены кислых мокрых холодов, еще поза-позавчера был снег, влажная холодная духота и вперемежку солнце, тепло, набухают почки, а трава и всю зиму зеленая была... С утра до обеда оба работали: писали, разбирали почту, наводили порядок (относительный, разумеется) в переписке, готовясь к поездке. После обеда, несмотря на дождь, все же собрались и поехали к Беллям, т. к. давно их не видели, да и дело было. Поездом 25 минут, потом такси до их деревни (название пишется Лангенбройх, но местные жители произносят Лянгенбрух). Они очень обрадовались. Их дом и двор окончательно благоустроились после того поджога, старик сосед умер, и теперь весь дом с пристройками — их. У Генриха очень хорошая рабочая комната в бывшем сарае, далеко от телефона, разложили часть книг и т. д. Приехали к ним в полчетвертого, посидели, посудачили и поговорили о наших делах — он, возможно, напишет предисловие к моей книжке о докторе Гаазе, которую я наконец закончил¹ — (последние страницы перевода «проавторизовал» и отправил на этой неделе), — Генрих сейчас сделал интересную работу — собрал рассказы и сам провел несколько интервью о еврейских общинах, которые существовали в нескольких здешних деревнях более 300 лет, в них жили главным образом еврей-ремесленники, огородники, лишь немногие торговцы, жили бок о бок с католиками-крестьянами, ремесленниками, торговцами и жили вполне дружно, мирно, в этих деревнях никогда не было антисемитизма, почти не было нацистов. Но всех евреев вывезли в годы войны на уничтожение, в деревнях осталось острое чувство вины за то, что не спрятали, не защитили; там есть памятники, заботливо охраняют старые еврейские кладбища. Крестьяне, разумеется, не знали, зачем и куда увозят соседей, да и сами жертвы ведь не предполагали, что означает их «переселение». Генрих был очень захвачен этой работой, ездил по деревням, разыскивал старожилов. Примечательно, что хотя он уже несколько лет как официально «вышел из церкви», но для него важно: «А все-таки у католических крестьян антисемитизма не было или почти не было, а в протестантских деревнях нацисты находили куда больше сторонников...» Мы, как уже бывало, стали спорить о его неугасимой неприязни к дворянству, к аристократам. «Ты слишком снисходительно относишься к разным там графам, баронам... вы там, в России, забыли, что такое настоящая классовая борьба. Аристократы — это, пожалуй, единственный настоящий интернационал: если тебя зовут фон-Нецлиц или фон-Пуплиц-Цицвиц-Кукциц, ты никогда не будешь знать нужды, в любой стране, в любом месте для тебя найдется пара комнат в каком-нибудь замке, и тебя там поселят — пусть даже скрежеща зубами от скупости, — поселят и будут кормить... Ты их все же недостаточно знаешь, этих господ, даже у самых лучших из них есть этакая врожденная снисходительность ко всем, кто не их сословия, такое безотчетное высокомерие... ну пусть не врожденное — (в ответ на мою реплику, что такие представления о врожденности — тоже расизм, только социальный) — но прочно благоприобретенное, уже с молоком матери. Это даже видно, присмотришься, как они держатся, как смотрят. Это заметно даже у самых демократичных по взглядам, мой друг фон Тротт был ведь даже коммунистом, а Катарина фон Тротт² очень хорошая, очень близкая нам и по взглядам куда какая левая, но и в ней это есть в осанке, в отношении к людям, а у ее матери уж вовсе открыто напоказ...» Однако и в этом споре, вполне дружелюбном, конечно, с подначками, шутками и т. п., он заметил: «Впрочем, католические аристократы все же отличаются от протестантских. Понятно, почему протестантские там, на востоке от Эльбы, в Пруссии, привыкли распоряжаться безропотными крепостными, а потом батраками, которые до конца были, по сути, рабами, покорными, бессловесными... А католи-

ческие графы-бароны здесь, на Западе, жили в окружении свободных крестьян, свободных горожан. С ними приходилось считаться во всем...» Погуляли мы с Аннемари³ и Генрихом под дождем по деревне, потом они повезли нас на станцию, там мы поужинали — пиво и сыр — и в 8 вечера отбыли домой. Наконец-то дозвонились! Слышали голоса — тоненький серебристый Маришеньки⁴ и такой хороший звонкий — «золотистый» — твой. Теперь на весь день заряд хорошего настроения... Продолжаю подневный отчет. У Беллей мы были в четверг, т. е. 24-го, а в пятницу сидели дома, и работы было невпроворот. С утра пришла наша домашняя секретарша — милая фрау Рот, про которую я уже писал вам, — надо было отвечать на кучу писем, отказываться от разных настойчивых и любезных приглашений. Заявился без предупреждения некий тоже весьма любезный и настырный молодой деятель, принес мне почитать книги о ... масонстве. Пытается обращать в свою веру — ведь и Лессинг, и Гете, и Гейне были масонами, «мы гуманисты, мы христиане без церкви» и т. п. Это был уже второй такой приход без предупреждения, и я вполне любезно, но решительно, даже не предложив ему присесть, извинился, должен работать, готовлюсь к отъезду... Добрейшая фрау Рот глядела на него безмолвно и гневно. Он откланялся, но книги оставил. До обеда работали, я еще возился с переводом, писал предисловие к сборнику стихов украинских поэтов⁵. Пришел мой Вуппертальский секретарь Карл-Хайнц⁶, о котором тоже писал уже. И с ним надо было обсудить кое-что из планов к новому семестру, письма авторам и возможным издателям наших первых двух сборников: «Россия и русские в немецкой литературе до начала XVIII в.» и «Германия и немцы в русской литературе того же времени» — они должны быть готовы к концу лета. А большинство наших авторов — безгонорарных — коллеги из разных городов. Еще и для того, чтобы вербовать таких авторов, приходится ездить по университетским городам, а чтоб поездки не стоили слишком дорого — читать там лекции. Пообедали вчетвером. Мама вызывает здесь всеобщее восхищение еще и тем, что ухитряется почти одновременно писать статьи и главы для своей книги, помогать мне, заниматься немецким, ежедневно писать письма родным и друзьям — тут она бесспорный мировой рекордсмен, никакие старожилы на всех континентах не припомнят подобного — и ко всему еще готовить и кормить разнообразное количество гостей. После обеда фрау Рот ушла вскоре, Карл-Хайнц еще оставался. Приехал (прилетел) корреспондент из Стокгольма с фотографом, часа полтора он допрашивал, а фотограф снимал и так и эдак. В Швеции собираются издавать мою книжку⁷, оттого и этот сыр-бор. Швед оказался похожим на итальянца, молодой, умненький, еще недавно был левым, коммунистом, стал демократом-либералом... Вечером пришли двое бывших киевлян: она — врач-психиатр, он — технар, инженер, работает мастером. Они здесь уже шесть лет. Друзья Виктора Некрасова⁸, от него и к нам попали. Милые, доброжелательные люди. Жалуются, что все ухудшается отношение к иностранцам. Осенняя перемена правительства и рост безработицы все больше сказываются и в этом, — «Там в Киеве мы были плохи тем, что мы евреи, здесь мы плохи тем, что мы русские, и вообще «ауслендер» лишь немногим лучше турок... Куда деваться? В Израиле мы были бы и вовсе чужими, не знаем языка, не можем соглашаться с сионистами». Они уехали и увезли Карла-Хайнца, он тоже живет на правом берегу Рейна, трамваем ему не меньше часа до нас... Ночь была опять тяжелой, ветер, снег, дождь. Меня корчило так, что даже грелку взял. Мама старалась помочь, тоже не спала. К утру зато заснули так, что не слышали ни почтальона, ни фрау Рот, которая пришла сверх обычного в субботу, поскольку мы уезжаем на три недели. Разбудил нас сосед, условившийся накануне, что будем завтракать у нас

вместе... Потом вскоре приехали гости из Вены — Лиза М. с мужем, поспели еще к завтраку, поговорили, и я отвел их в гостиницу. Тут в двух кварталах есть небольшая гостиница, где я обычно резервирую места для иногородних гостей и считаюсь там «постоянным клиентом». До обеда работал, писал, перезванивался. Опять пришел Карл-Хайнц, сменил фрау Рот, я диктовал ему письма издателям, профессорам-авторам и др. К обеду пришла Лиза с мужем, после обеда Рая повела их в парк кормить уток, чаек, лебедей — накопился мешок хлебных огрызков, черствых остатков, — а мы с Карлом-Хайнцем продолжали работать. К ужину кроме этих троих гостей пришла еще дочка соседа, приехавшая из США, привезла нам книгу, и к тому же она редактор того издательства, которое издавало мои литературоведческие книжки и хочет их переиздать, ушла она — пришел ее отец, наш давний друг, а также наш доктор и друг, который принес лекарства для Комы⁹ и для нас пряник, испеченный его женой. Так как был уже вечер, то мы выпили водки — настоящей «Московской», гости отбыли, я еще посидел у «телика» — последние известия и детективный фильм для разрядки перед сном. Мама перечитывала вслух письма: твое, Люсино, Мишино, Ирино, Розино¹⁰... А сегодня с утра вот сел, наконец, и написал... Пожалуйста, Марусенька, покажи этот дневник сестрам, тете, дяде. И пиши, пиши, пиши нам. И Маришаус пусть напишет. Ждем от нее новых стихов. Будем рады и прозе. Будьте здоровы. Обязательно будьте. Крепко, крепко обнимаю и нежно, нежно целую ваш дряхлый Л.

- 1 Речь идет о книге «Der heilige Doktor Fjodor Petrowitsch» (1984 г.).
- 2 *Катарина фон Тротт* — дочь друга Генриха Белля.
- 3 *Аннемари* — супруга Белля.
- 4 *Марина Костенко* (р. 1971) — дочь Марии Орловой.
- 5 Имеется в виду сборник стихов И. Светличного, В. Стуса и Е. Сверстюка, изданный при участии Копелева в 1983 г. в ФРГ (в переводе на немецкий язык).
- 6 *Карл-Хайнц Корн* (р. 1952) — сотрудник Копелева.
- 7 Речь идет о книге «Хранить вечно» (выходила в переводах на английский, французский, испанский, голландский, норвежский, датский, шведский и немецкий языки).
- 8 *Виктор Платонович Некрасов* (1911–1987) — писатель, близкий друг Копелева. С 1974 г. жил за границей.
- 9 *Вячеслав Всеволодович Иванов* (р. 1929) — филолог, муж дочери Раисы Орловой Светланы. *Кома* — его домашнее имя.
- 10 *Ира* (р. 1955) — дочь Валерии Медвинской. *Роза* — Розалия Бенедиктовна Рохлина, подруга Копелевых.

24 октября 1984 года

...События за последние недели: 8 октября мы приехали из Франкфурта (с ярмарки после вручения премии Мира Октавио Пасу¹). Четыре дня были дома, разбирали ворох почты, писали наиболее срочные ответы, в частности подробное письмо я написал Бундеспрезиденту Вайцеккеру², с которым во Франкфурте мне удалось поговорить лишь недолго и все на людях, я ему обещал написать и сразу сел. Писал прежде всего об А.Д. и Люсе³ (он уже и раньше многое делал, разумеется, без огласки и будет снова и снова мягко, но упрямо «капать на камень»), а также о наших заботах с Ориент-Окцидент⁴ и с моим Вуппертальским проектом. После издания книг украинских

поэтов, В.Гроссмана и Семена Израилевича⁵ наши Ориент-Окцидентные фонды иссякли, а на очереди книга Лидии Корнеевны⁶ и еще некоторых чешских, румынских и отечественных авторов. Вот и приходится, как некогда, рифмовать финансы и романсы. Вчера я получил уже обнадеживающий, но пока неконкретный ответ. А с Вупперталем, наконец, утряслось. Помогли два частных фонда, в том числе Крупповский, не к ночи будь помянут. Но теперь им заведует некто Бертольд Байц, миляга и искренний «детантник»⁷, приятель Марион⁸ и Гельмута Шмидта⁹. Даже сердитый на его сословие Генрих Белль, который иначе как «капиталистише аршлехер»¹⁰ их не называет, о Байце говорит, что он порядочный, толковый и сердечный. Достаточно добавить, что Байц, будучи офицером вермахта, долго служил в гарнизонах в Польше и так служил, что уже в 50—60-е годы был награжден и польским и израильским орденом, а в ГДР получил в Грайвальдском университете степень доктора «хонор кауза». Так вот он приглашал меня еще в марте обедать — в том самом доме и за тем самым столом, за которым обедали (или ужинали) Вильгельм II, Гитлер, Черчилль, Аденауэр и несколько советских министров (поочередно). После этого понадобилось все же более шести месяцев всяческих хлопот, писаний, звонков, заходов с флангов и тылов в различные фонды, но с ноября сего года я могу располагать единовременным пособием на мой проект в 250 000 марок. За предшествующие два с половиной года мы израсходовали более 350 000 марок. Теперь придется экономить. Эти деньги я могу тратить на зарплату и гонорары сотрудникам, учитывая, что меня-то содержит Земля Норд-Рейн-Вестфалия, с гарантией до осени 1987 года, я могу оплачивать двух «полных» научных ассистентов и двух или трех младших сотрудников, студентов и вроде того, а также тратить известные суммы на приобретение книг, копирование текстов в других библиотеках, архивах, на командировки сотрудников. На себя я не ассигную ни гроша из этого, в общем-то ограниченного по нашим замыслам фонда. И еще мне нужны некие толики на издание наших трудов. Первый том, который мы наконец-то сдали, — «Образы России и русских в немецкой письменности IX—XVII веков». Это подзаголовок данного тома, общее название нашей серии «Западно-Восточные отражения», или, скорее, «взаимо-отражения».

Нам повезло в том, что нашлось великодушно заинтересованное издательство (Финк-Шенинг в Падерборне, есть еще его отдел в Мюнхене, но наше Падерборнское старше, существует с 1827 года, и солиднее), которое рискует издать первый том без дотации. Условия этого великодушия: до лета я самолично должен сдать им томик «Германия в русской поэзии XX века». Это будет не всеохватно научное исследование, а нечто вроде тематической хрестоматии с большим предисловием и билингвальными текстами хороших стихов Анненского, Блока, Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Маяковского, Есенина (?), Багрицкого, Антокольского, Набокова-Сирина и нескольких других типичных, вроде стихотворения Кирсанова «Германия». Тексты только до 1939 года, а то можно увязнуть в невероятных количествах всяческой рифмованной риторики, требующей дополнительных объяснений. Для этого тома я выпросил гонорар переводчикам. Из всех авторов нашего первого тома гонорар получит только одна безработная славистка-германистка. Все прочие благоустроенные профессора, доценты, ассистенты — их всего 12 — довольствуются нашей благодарностью и «сочтемся славою». Но если мне не удастся добыть для всех наших изданий (в будущем году должен быть к осени сдан том 1-б «Германия и немцы в русской письменности от летописей до Карамзина и Болотова» (XI — XVIII)) соответствующих дотаций, то книги будут стоить устрашающе дорого: не меньше 80 марок, а то и больше 100 — один том. Вот с этим-то я и писал Президенту, а в Гамбурге о том же гово-

рил с Г. Шмидтом, у которого есть «надлежащие» знакомства. Такие попрошайнические хлопоты отнимают, увы, немало времени и душевных сил, так как двигаться по линии «наименьшего сопротивления» (иные доброты все советовали обратиться к Шпрингеру¹¹ — он, мол, такой русофил, что сразу же отвалит гору злата) я не хочу и не могу. В отличие от покойного императора Веспасиана Флавия я думаю, что «деньги пахнут», иные даже смердят...

С 15 октября начался зимний семестр. У меня теперь такое расписание: один понедельник — моя лекция, а следующий — коллоквиум. Первые два понедельника я заполнил лекциями: вступительной и, так сказать, затравочной для 2-го тома: «Германия и немцы в творчестве русских авторов 19 века», говорил о Карамзине, Жуковском, Пушкине, Тютчеве, Герцене и Тургеневе. Дал список обязательных текстов (только в немецких переводах: среди моих примерно полуста слушателей только два-три знают русский). Посмотрим, сколько их придет на обсуждение 29-го.

Однако, вернусь к отчету в хронологической последовательности. Кроме писем и конспектов к предстоящим лекциям до 11 октября я еще написал статейку для «Штерна» (это вроде здешнего «Лайфа») о Вас. Гроссмане. В пятницу 12-го мы выехали в Тюбинген, в дороге я прочитал интервью С.С.Аверинцева в «Вопросах литературы». Читал с волнением истинно радостным: жива Россия, жива русская интеллигенция. Хотя и страшны были потери, хотя погибали, разлагались, вымирали целые поколения, увечились и судьбы и души, и опять увечат, и душат, и коверкают, и все же, вопреки всему — в иных случаях, может быть, даже благодаря натиску зла, рождающему, вызывающему и доблестное противодействие, и мудро изощренное тихое сопротивление. Это наше главное разногласие со значительной частью и старых и наиновейших эмигрантов и со многими, во всем ином весьма хорошими, поляками и чехами, со всеми, кто полагает и даже пытается доказывать, что там, мол, выжженная земля, сплошные пустыни и болота, одинокие, задавленные внутренние изгнанники и приспособляющиеся трусы, корыстолюбцы, карьеристы. С земляками мы уж и спорить перестали. Верующих не переубедишь, а сознательно убежденных (поскольку «что же там может быть хорошего, если нас там нет?») оспаривать — только навлекать на себя подозрения: «А вы-то, случаем, не засланы ли?» Спорим с аборигенами, с братьями-соседями, вот и весь мой Вуппертальский проект — одно из проявлений этого бесконечного, но, хочется верить, не бесплодного спора. И Райна книга о «Дверях»¹² — о том же. Должен заметить, что хоть и не организационно-объединительные, но по существу совершенно совпадающие в «направлении главных потоков обильных эмоций и скудных мыслей» усилия и всей отечественной пропаганды, и наиболее шумной, претенциозной и многотиражной эмигрантской печати более чем благоприятствуют распространению старо-новых легенд о России азиатской, начиненной и холопством и спесью, органически не пригодной к свободе и демократии, к простейшему уважению человеческой личности — не должности, не звания, не репутации (геройско-партийной или геройско-диссидентской), а личности как таковой. Самые консервативные американские и немецкие публицисты, католики и англикане, не говоря уже о безцерковных вольнодумцах, недоуменно или — увы! — не шибко уважительно спрашивают: «Чем же отличается нетерпимость вашей номенклатуры от нетерпимости ваших православных антикоммунистов? Друг друга они, видимо, не видят, но и те и другие больше всего ненавидят именно нас — западных демократов (Нотабене: здесь и правейшие консерваторы все же в конечном счете — демократы и чтут если не все проявления, то непреложную законность политического, религиозного, идеологического и прочего плюрализма)». И замечают, что понятие «плюрализм» в

равной мере отвратительно и для «Литгазеты» и для «Вестника РХД». Вот и приходится нам упрямо им доказывать снова и снова, что это не голоса большинства, и не лучшие люди, и не «совесть России», как они себя титулуют, а такие же последствия и «отростки-выростки» большевистско-сталинистского воспитания, как любые иные борцы за любую иную единую неделимую истинную идеологию. Прозвища идеологии меняются, орнаменты, иконостас перемалевывается, а суть все та же: тащить и не пущать. Тут стоп... Обнимаю и целую и приветствую всех родных, особенно горячо и нежно тех, которые нам письма пишут.

Лев

- 1 *Октавио Пас* (р. 1914) — мексиканский писатель, лауреат премии Мира немецких книготорговцев и издателей за 1984 г.
- 2 *Рихард фон Вайцеккер* (р. 1920) — президент ФРГ в 1984—1994 гг.
- 3 *А.Д. и Люся* — Андрей Дмитриевич Сахаров и Елена Георгиевна Боннэр.
- 4 Ориент-Окцидент — основанный в августе 1982 г. Львом Копелевым фонд для издания на немецком языке «книг тех писателей СССР и стран Восточной Европы, которые не печатаются на родине». В президиум фонда кроме Копелева входили Г. Белль, П. Когоут, В. Казак.
- 5 Имеются в виду роман «Жизнь и судьба» В. Гроссмана (1905—1964) и повесть «Декада» С. Липкина, изданные на средства копелевского фонда в 1983—1984 гг. *Семен Израилевич Липкин* (р. 1911) — поэт и переводчик, близкий знакомый Копелева..
- 6 Речь идет о «Записках об Анне Ахматовой» Л. Чуковской. *Лидия Корнеевна Чуковская* (1907—1996) — писательница, в Москве жила в одном доме с Копелевыми.
- 7 *Детантник* — от фр. «détente» — разрядка.
- 8 *Графиня Марион Денхоф* (р. 1909) — главный редактор и издатель газеты «Ди Цайт», близкий друг четы Копелевых.
- 9 *Гельмут Шмидт* (р. 1918) — заместитель председателя Социал-демократической партии Германии в 1968—1983 гг., федеральный канцлер ФРГ в 1974—1982 гг., издатель (вместе с Денхоф) «Ди Цайт».
- 10 *Капиталистише аршлөхер* — капиталистическая задница. (*нем.*)
- 11 *Аксель Шпрингер* (1912—1985) — основатель (1946 г., Гамбург) и владелец крупнейшего в Западной Европе газетно-издательского концерна «Аксель Шпрингер Ферлаг» («Axel Springer Verlag AG»). Придерживался крайне правых, антикоммунистических взглядов.
- 12 Имеется в виду книга Раисы Орловой «Двери открываются медленно» (Бэнсон: Чалидзе, 1984).

19.12.84

В поезде Мюнхен—Кельн (начал писать, когда стояли в Майнце, пусть Маришаус поглядит на карте. Ей я написал открытку еще где-то возле Ульма).

Марусенька, дочура милая, дружок-дружище! Это должно быть (задуманно) «всемирным» отчетным письмом. Что получится, еще не знаю, но буду стараться писать возможно более разборчиво.

В этой точке был перерыв, я перешел в вагон-ресторан. Ехать еще два часа, а мама сегодня вечером в концерте вдвоем с Леной Варгафтик¹ (помнишь

ее?). Уехал я из Кельна вчера. В Мюнхене меня встретил Алик², его дамы в Копенгагене — прощаются с Европой. После Рождества они отбывают «обратно». Вчера вечером меня допрашивали (пardon, расспрашивали) в теле-студии в течение часа пятеро: две дамы (профессорша филологии и журналистка), один диктор телевидения, редактор «Зюддойче цайтунг» и молодой столяр. Они спрашивали о моем прошлом и настоящем, о том, что я делаю в Вуппертале, что думаю о том, о сем, о знаниях немецких студентов, о религии и политике, о борьбе за мир, о «русской душе» и «немецкой душе» и т. д. и т. п. Передача шла по кабелям, т. е. вчера ее смотрели в лучшем случае несколько десятков тысяч зрителей, но весь разговор одновременно снимали и потом (через месяц-два?) будут, сократив почти наполовину, передавать уже в эфир. Мне любопытно, передадут ли мой ответ на вопрос: «Из каких источников черпали вы свои гуманные взгляды, побуждавшие вас защищать немецкое население, жалеть людей, которых вы должны были бы ненавидеть?» И я говорил внятно и обстоятельно, что те основы человеколюбия, гуманизма, которые определяли взгляды и мироощущение многих моих товарищей, ровесников и всех друзей, мы воспринимали в семьях, в школах, из духовной традиции русской интеллигенции. Нас воспитывали Пушкин, Толстой, Чехов, — тут я старался говорить особенно внятно, так как меня перебили вопросом: «А церковь тоже влияла на вас?» Нет. В юности я был убежденным атеистом. Но гуманные принципы христианства мы воспринимали не только из книг, от родителей, учителей, а еще и в том, как нас воспитывали в пионерских отрядах и в комсомоле. То, чего здесь не понимают, да и у нас в стране мало кто помнит или хочет вспоминать, но еще в детстве мне говорили в школе, что первым коммунистом был Христос. Однако и позже, когда меня убедили, что религия — опиум, нас всех учили тому, что все народы, все нации равны, что национальная ненависть, шовинизм — это гнусные и опасные заблуждения, пороки. В годы моей юности я в комсомоле учил других тому, что трудящиеся всех наций — братья, я ненавидел фашистов, но я не мог ненавидеть немцев как народ именно потому, что был убежденным коммунистом.

Потом они спрашивали, как я перестал им быть, какие у меня теперь взгляды на историю, в чем «смысл жизни» и т. д. Такие вопросы нам здесь постоянно задают. В позапрошлую пятницу мы с мамой были в Хаммельне — «городе крысолова»³. И там в гимназии нас двоих целое утро допрашивали старшеклассники, примерно сто девушек и юношей 16—18 лет. И один кудрявый паренек, сидевший на шкафу, почти сердито настаивал: «Вот вы все говорите: главное — средства, а не цель, главное, чтобы средства были человеческими, честными, чтобы не лгать, не угнетать, не подавлять инакомыслящих. А обороняться от нападения можно? А противника обманывать ведь нужно бывает?»

И он еще спросил: «А какие все же ваши политические взгляды?» Я снова и снова повторял, что не имею политической программы, что лучшей формой государственного общественного устройства считаю демократическую, основанную на непреложной законности и на соблюдении прав и достоинства каждого человека, так, чтобы авторитет большинства не мог бы подавлять законных прав любого, самого малого, инакомыслящего меньшинства, что это в конечном счете полезно всем, в том числе и торжествующему в данное время большинству и т. д. Что нетерпимо только насилие, от кого бы оно ни исходило, что нужны законы, позволяющие отчетливо различать силу, охраняющую все общество от преступников, от насилия фанатиков, но именно от насилия, от прямых действий, а слова, мнения, какими бы дурными они ни были, не должны подавляться насилием, а только словами же.

А паренек все настаивал: «Ну так как же вы называете свое мировоззрение?»

— Если вам нужно коротко: «Гётеанец и толстоянец»...

Часть захопала, другие смеялись, и я дополнил: Гете и Толстой во многом разные, почти противоположные по взглядам. Рассказал коротко, в чем различие. Потому я и не говорю «толстовец», что это определенное, почти догматическое, мировоззрение. Я уверен, что сам Толстой не был «толстоцем», он не умещался в догмы. Вот это мне и по душе, они оба различны, противоречивы, но оба прекрасны, оба великие, человечные, а Гете еще и учил тому, что противоречия, различия должны сосуществовать, без этого нет жизни. (Привел им соответствующие стихи.) Вот и я за терпимость, за живое, не только словесное, а реальное сосуществование разных народов, разных мнений. Неважно, будут ли это монархии, республики демократические или социалистические, христианские или мусульманские общества. Главное, чтобы они спорили без насилия, без лжи и ненависти и т.д.

Однако уже 19.43, проехали Бонн, через четверть часа «наш» Кельн, и письма я, наверное, не кончу.

Сегодня я с утра провел разные телефонные переговоры с издательствами. Потом гулял с Аликом, один час провел в «Новой пинакотеке» (живопись XIX—XX в.) и только аппетит раздражил. Потом Алик меня провожал, мы пообедали в вокзальной забегаловке, харчи хорошие (жареная курица, помидорный салат), и усадил в поезд.

Дописываю уже дома. Рая домывает посуду, рассказывает о концерте, об отправке рождественских подарков. Полночь. Прерываю до завтра.

Четверг, 20 декабря.

Уже утро. Мы позавтракали втроем с Леной, и она ушла на работу. Мы оба спешно дописываем письма. Скоро прилетит «почтовый голубок». И в спешке я не знаю, о чем стоит писать, а что «излишество». Но нам всего интересней ваш повседневный быт, чтобы можно было представить себе, что именно вы вот сейчас делаете. Поэтому и про нас я пытаюсь писать так, как хочу, чтобы вы писали про себя.

Сегодня у меня опять будет «насыщенный» день. К 12-ти прилетит «голубь», в час дня приезжает из Гамбурга радиожурналистка для интервью на «злободневные» темы, с ней договорились давно и не удалось отменить, а между тем уже в два я должен уезжать в «свой» университет в Вупперталь — срочное совещание у ректора. Приеду к вечеру и буду уже настолько усталым, что и читать трудно. Раньше так любил читать перед сном, а сейчас левый глаз уже вовсе ничего не видит (днем силуэты и краски различаю, а вечером один туман), правый же к вечеру тоже мутнеть стал. Телевизор еще воспринимаю, а печатные строки расплываются. Но 21 января ложусь на операцию — будут заменять хрусталик, авось потом буду зрячим.

Работы много и все увлекательная, а главное, нужная, полезная, а силенок все меньше. Очень это гадко — стареть. Но хныкать, скулить, жаловаться, нудить и т. п. по любому поводу еще хуже. Поэтому буду заканчивать письмо бодро и жизнерадостно, что, впрочем, столь же искренне. Я ведь старик «Ванька-встанька». Вот вчера ехал в поезде 6 часов. К поездам здесь привык даже больше, чем к жилью. И в ресторане (вагоне) ем всегда одно и то же: миска курятины с рисом, булочка, минеральная вода с лимоном, кофе+яблочный пирог. Это стандартный мой обед, в общем дешевый, 17—18 марок, то есть примерно 6 руб. (по курсу). Привык к вагонному комфорту, к мыльному порошку и бумажным полотенцам в уборных, которые всегда безу-

пречно опрятны, и к кофе, который развозят по вагонам (3—4 марки). Привык, но приехал вчера усталый-преусталый, успел за 6 часов написать дюжину писем, в том числе по открытке Марише и Саше⁴, прочесть четыре газеты разных направлений (так получаешь трех-четырёхмерное отражение событий). Дома я читаю только две ежедневных газеты, которые мы выписываем: «Кельнер-штадт-анцайгер» (либерален, беспартиен, дает новости о городе) и «Нойе Цюрихер Цайтунг» (консервативна умеренно, но очень объективна, и широко информирует обо всем мире), и два еженедельника: «Цайт» (наша самая близкая газета, которую издает Марион (красная графиня) Денхоф и бывший канцлер Шмидт) и «Шпигель» (бойкий, обильно иллюстрированный, немного бульварный, «полулевым» журнал). Но читать все не успеваю. Хотя мама меня все корит, что я «глотатель пустот» (помнишь, у Цветаевой: «читатели газет — глотатели пустот») и «теленаркоман» и мало читаю хорошие книги. Увы, это почти правда. Но вот вчера в поезде дочитал новую книжку Ленца⁵ «Конец войны». Прекрасная, трагически значительная повесть. Надеюсь, ее переведут и опубликуют в Москве, прочитайте обязательно!

Вот этим призывом и закончу непомерно длинное письмо.

Целую крепко и нежно тебя и Маришаус, обнимаю крепко Вову⁶.

Твой Л.

- 1 *Елена Соломоновна Варгафтик* — ученица Копелева, германистка. В 1978 г. эмигрировала в Германию, работала на радио «Немецкая волна». Умерла в 1989 г. в Кельне.
- 2 *Александр Петрович Бабеньшев* (р. 1938) — правозащитник, сын подруги Копелевых Сары Бабеньшевой. С 1981 г. живет в США.
- 3 *Хаммельн* — тот самый город, откуда, по старинной немецкой легенде, бродячий дудочник вывел крыс. Эта легенда нашла отражение в творчестве Гете, Гейне, Цветаевой, Бродского.
- 4 *Александр Мстиславович Грабарь* (р. 1972) — внук Льва Копелева.
- 5 *Зигфрид Ленц* (р. 1926) — немецкий писатель (Западная Германия).
- 6 *Владимир Дмитриевич Костенко* (р. 1945) — муж Марии Орловой.

Кельн, 26 июня 1985 г.

Дорогие все! Это будет отчетно-иллюстративно-всемное письмо, которое приложу к рукописным личным. (Размножаю; кельнский самиздат). Сейчас мы живем по-новому нетипично, вот уже несколько дней работаем дома вдвоем, переключаем телефон на автомат, всех друзей и знакомых предупредили, что выбыли. По понедельникам и средам приходит наша заботливейшая фрау Рот, она так восхищена нашим прилежанием и дисциплиною, что готовит обед (и покупает иногда харчи тоже), из-за чего, правда, возникает завал писем, запросов и т. п. Бригитта¹, которая раньше приходила по вторникам-пятницам, уехала на месяц в отпуск, этому предшествовали разные авралы: Раина верстка книги, сверка переводов моих работ, которые должны выйти книжкой к осени, срочные письма и др., поэтому мы задержались с нашей книжкой «Русская сказка Рильке» — (вчерне закончена была еще в Комарово в 1978 г.!!!). Карл-Хайнц — третий соавтор по Рильке — сейчас сдает «клаузуры» (нечто вроде наших сессий) и к нам забегают только помочь часок-другой. Попытаюсь дать «хронометраж» одного из относительно «наименее нетипичных» дней. Например, пятница 21-го. Встал, как чаще

всего, чуть раньше Раи — она долго читает перед сном и почти не спит без таблеток, а я уже почти разучился читать по вечерам (устаю в очках и засыпаю, как нокаутированный) — приготовил ей утренний кофе (самозаваривающийся с щепоткой какао. Кипятильник у нас на три литра и закипает в пару минут) и поставил основной кофейный агрегат — тоже электрический с бумажными фильтрами (привыкли к нему, и джезве стоит — скучает), сделал зарядку, проглядел газету. Мы выписываем две ежедневные: нашу городскую «Кельнер штатт-анцайгер» — умеренно консервативно-независимая, потешается над деятелями всех партий, над СД больше, чем над ХД, но не милует и правительство, информация сравнительно объективная, преобладает местная, всяческие происшествия, споры в городском совете (у нас большинство СД), убийства, драки, разбой, аварии, но также и дни рождения престарелых граждан, серебряные и золотые свадьбы и т.п.; «Нойе Цюрихер цайтунг» — швейцарская либерально-консервативная, отличная информация со всех концов света, несколько запаздывает по сравнению с телевидением и радио, но чаще всего разносторонняя. Кроме того, получаем четыре еженедельных газеты: по понедельникам «Шпигель», который интеллигенция презирает за желтизну, консерваторы за левизну и вообще непочитание авторитетов. Его читаю выборочно пред сном и поэтому никогда не успеваю проглядеть больше четверти; по четвергам приносят нашу милую «Цайт» — вот и сегодня принесли, и значит, уже четверг 27-е, и там почитываю только две-три интересные статьи и рецензии, регулярно доставляют «Литературную газету» (здесь мы ее читаем куда внимательней, чем бывало в Москве, бывают и вправду хорошие интересные страницы, но и вообще хоть дерьмо, а все же из своего дома) и парижскую «Русскую мысль», та чаще злит, хотя наряду с «густопсовой» черносотенщиной встречаются талантливые стихи или проза и правдивые сообщения. Из ежемесячников регулярно выписываем только «Новый мир» и «Дружбу народов», а разные немецкие, реже американские, французские, польские, чешские и другие журналы и газеты нам посылают уже без наших заказов и просьб. От гор и холмов печатной бумаги то и дело становится грустно до полной тоски — не сдюжить и десятой доли, а ведь и работать надо, и на письма отвечать. Однако, жалуясь, отвлекся от дневникового отчета. К 9 утра я поспешал к зубному врачу — виноват, описался — к ушному, у зубного был накануне — и завтра пойду, меняет и «пополняет» челюсти. По пути от врача произвел некие закупки по точному заданию Раи — мы стали вполне местными обывателями: булочница с дочкой, супружеская пара мясников, зеленщица, аптекари, владелица фотомагазина знают нас как «штаммкунден», просят автографы, встречают как «своих». «Наши» мясники уехали на месяц в отпуск — на Канарские острова, — поэтому приходится покупать мясо, ветчину, сосиски в большом, вроде малокалиберного супермаркета, магазине, называется «У злого волка». Волк не злой, там все дешевле, масло, сыр, всяческие консервы мы всегда покупаем там, но вот мясо там похуже. Это быт. Едва мы успели пообедать, на этот раз только вдвоем — кстати, внимание дочки! — Рая стала великой мастерицей, у нее некоторые дамы даже «рецепты» спрашивают ее салатов, гуляшей, «фигашей» (ленивых вареников и т.п.), и она нахально чего-то диктует, хотя я знаю, что и харчи она творит на сплошном вдохновении, ничего не соразмеряя, но получается очень-очень — за нами приехал некий профессор с женой. Предстояло печальное, но неотстраняемое действие: похороны очень хорошего человека. Алоис Мертес был одним из тех людей, которые нам здесь с самого начала безотказно помогали во всех случаях, когда нужно было выручать наших земляков или поляков, чехов. Мы с ним познакомились еще в Москве и «познакомил» нас доктор Гааз², который давно уже очень много

значил для семьи Мертеса и для него самого. Он депутат бундестага (ХДС) от того избирательного округа, куда входит и Бад Мюнстерайфель³, и много сделал для памяти Гааза, и меня разыскал в Москве, когда прочитал и увидел по ТВ еще в 1976 г. то, что я писал и говорил тогда о Гаазе. Когда мы впервые приехали в Бад Мюнстерайфель, А. Мертес с женой и младшим сыном привели нас в церковь, в которой крестили Гааза и где он впервые причащался, и они втроем в пустой церкви спели «канон», приветствуя нас и поминая Гааза. Семья Мертесов — настоящие «левобережно-рейнские» католики, т. е. терпимые, свободные от фанатизма и доктринерства, склонные даже к шутливому, жизнерадостно-фамильярному, но вместе с тем глубоко религиозному восприятию всех святынь. Средний из трех сыновей Клаус Мертес — молодой философ, теолог и монах (иезуит) написал в 1980 или 81 г. едва ли не самую лучшую из прочитанных мною по-немецки рецензий на мои книги (ХВ и Кумира⁴), а познакомились мы с ним только на похоронах его отца. Хотя, разумеется, еще тогда передавал ему благодарные приветствия. С Алоисом Мертесом, когда он еще был здесь оппозиционером, мы два или даже три раза выступали вместе — спорили с «зелеными» и так называемыми «левыми пацифистами», мне нравился и его полемический стиль — он ведь и со мной часто бывал не согласен, — спокойный, доброжелательный и при самых резких разногласиях. В новом правительстве он стал заместителем министра иностранных дел, называется это государственный министр, в отличие от федерального министра (Геншер⁵), но оставался все таким же и в отношениях с друзьями и противниками, и во всех случаях, когда мы прибегали к его помощи. Умер он внезапно, во время выступления стало дурно, сошел с трибуны, потерял сознание. В пятницу мы приехали на отпевание в большом соборе Бонна, улицы и площадь перед собором запружены, нас — «гостей» семьи — встретили, провели за алтарь, там сидели разные персоны: родственники, пара министров, послы, жена, сыновья, дочь, сестры и внуки в первых рядах перед алтарем с президентом и канцлером и главными «приненцами». Служили два архиепископа, один вроде кардинал. Больше часу длилась зауспокойная месса: чередовались короткие проповеди, орган, хор — пели и хористы в бело-черном облачении, и многие вокруг нас, чтение отрывков из псалтыри, евангелия — потом поехали на кладбище на холме над городом — старое, «обжитое», густая зелень деревьев и кустов, узкие проходы. В кладбищенской капелле прощание с гробом — здесь гроб не открывают. В соборе были сотни людей, и на кладбище больше тысячи пришли, а в капелле только родственники и ближайшие друзья. Короткую мессу служил монах — друг покойного и у гроба другой его друг в черном сюртуке и черной шелковой ермолке прочел псалом «из глубины» (де профундис). Это был рабби Лапидус, еврейский теолог, иудаист-исследователь Нового Завета, гражданин Австрии, живущий во Франкфурте. Потом гроб отнесли к могиле, жена и дети помолились на коленях у открытой могилы, и все стали проходить, опуская в могилу небольшие букеты цветов, а потом обнимая вдову, сыновей или пожимая им руки. Мы оба бросили на гроб по шепотке московской земли (нам за эти годы дарили землю несколько раз, есть и щепоть (даже горсть) земли из нашего двора на Красноармейской и из Переделкино. Хильдтруд Мертес была очень благодарна, когда мы еще раньше (по телефону мы начали звонить друг другу сразу же, когда стало известно о том, что он в больнице) спросили, можно ли это: Алоис Мертес был давно связан с Россией, помогал многим русским. Поминки были в большом ресторане на горе — несколько сот человек за длинными столами; никаких тостов (застольных речей), белое рейнское вино, холодные закуски, кофе или чай с тортами. Вдова и сыновья, дочь, невестка — жена старшего сына ходили ме-

жду столами, подсаживались то к одному, то к другому, говорили уже не только о покойном, и вокруг нас беседовали и старые и новые знакомые о разных своих делах. С нами сел один из давних друзей семьи, преподаватель истории, латыни и теологии. Он сказал Рае, что благодарен ей за книжку — (он видел ее впервые) — еще и потому, что узнал много нового о своей стране. «Ваш такой внимательный, добрый и критический взгляд со стороны позволяет нам совсем по-иному увидеть многое, к чему привыкли, к сожалению привыкли... Но особенно благодарю за то, что Вы обогатили меня, я узнал новых прекрасных поэтов, я читаю теперь Ахматову и составил себе список русских авторов, которых Вы называли». Смущенная, даже несколько удивленная Рая: «Но неужели Вы раньше ничего не слышали о них, ведь я называла главным образом тех, чьи произведения переводились и издавались здесь, и о них писали в ваших газетах» — «Знаю, знаю, слышал, но все как-то проходило мимо, а вот Вашему голосу поверил...» Домой мы приехали поздно, усталые. Но нас ждала пачка писем — от 19 разных, милых, очень милых и таких любимых, что ни в сказке сказать и т. д. С тех пор фрау Рая по нескольку раз в день шпыняет меня, давая понять, какая я неблагодарная, бесчувственная скотина, что не пишу ответов, и так, чтобы каждому. Вот не прошло и недели, как я сел за машинку. Это всем, а каждому буду строчить воистину рукописно. А про нас могу еще доложить: лета пока еще в Кельне не было, длится кисловатая с просветами весна. На нашем балконе в горшке с диким виноградом дрозды свили гнездо, высидели четырех милейших дроздят — эти птицы городские, нахально летали мимо нас — гнездо в глубине балкона, трусили, но летали. У меня, как на грех, испортился фотоаппарат, а птенцы уже выросли и в прошлую субботу улетели. Карл-Хайнц видел, как мать учила их, прыгая и подлетывая на столе, но и у него не было аппарата. Чтобы их не пугать, я по утрам стал делать зарядку на другом балконе, который за кухней. Впрочем, там вообще удобней. Он, правда, куда меньше, но выходит не на улицу, а во двор-садик, перед ним большой старый бук... Кончаю писать. Только что один за другим телефонные звонки: ужасные известия об А. Д., получены фильмы, снятые в больнице, поставил все тот же экспортный мерзавец Луи⁶. Совершенно ясно видно — А. Д. тяжело болен (Паркинсон). Неужели это убийство останется безнаказанным?

- 1 *Бригитта Зегшнайдер-Брюкнер* — сотрудница Копелева (одно время была его секретарем), входит в «Вуппертальскую группу».
- 2 *Фридрих-Йозеф Гааз* (1780—1853) — герой книги Копелева «Святой доктор Федор Петрович». Тюремный врач, открыл в Москве на собственные деньги больницу для бедных, добился облегчения веса кандалов и цепей у заключенных, отправляющихся по этапу в Сибирь.
- 3 *Бад Мюнстерайфель* — родной город доктора Гааза.
- 4 Речь идет о книгах «Хранить вечно» (1975) и «И сотворил себе кумира» (1978).
- 5 *Ханс Дитрих Геншер* (р. 1927) — вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ в 1974—92 гг.
- 6 *Виктор Луи* (литературный псевдоним Виталия Евгеньевича Левина; 1928 — 1992?) — журналист, в 70—80-е гг. корреспондент ряда западных периодических изданий в Москве («Evening News», «Bild»). Неоднократно передавал на Запад материалы сомнительного происхождения, в частности снятые скрытой камерой видеофильмы о жизни А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр в Горьком.

КНИГИ Л. З. КОПЕЛЕВА

- Ярослав Гашек и brave солдат Швейк.** М.: Знание, 1958.
- Сердце всегда слева:** Статьи и заметки о зарубежной литературе. М.: Советский писатель, 1960.
- «Фауст» Гёте.** М.: Художественная литература, 1962.
- Брехт.** М.: Молодая гвардия, 1966.
- Zwei Epochen deutsch-russischer Literaturbeziehungen.** Frankfurt am Main: S. Fischer, 1973.
- Хранить вечно.** Анн Арбор: Ардис, 1975.
- Verwandt und verfremdet:** Essays zur Literatur der Bundesrepublik und der DDR. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1976.
- Verbietet die Verbote!** In Moskau auf der Suche nach der Wahrheit. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1977.
- И сотворил себе кумира.** Анн Арбор: Ардис, 1978.
- Утоли моя печали.** Анн Арбор: Ардис, 1981.
- Ein Dichter kam vom Rhein:** Heinrich Heines Leben und Leiden. Berlin: Severin und Siedler, 1981.
- Warum haben wir aufeinander geschossen?** Börnheim-Merten: Lamuv-Verlag, 1981 (соавтор — Heinrich Böll).
- О правде и терпимости.** Нью-Йорк, 1982.
- Держава и народ.** Анн Арбор: Ардис, 1982.
- На крутых поворотах короткой дороги:** Сборник рассказов. Нью-Йорк: Чалидзе, 1982.
- Antikommunismus in Ost und West:** Zwei Gespräche. Köln: Bund-Verlag, 1982 (соавторы — Heinrich Böll, Heinrich Vormweg).
- Kinder und Stiefkinder der Revolution:** Unersonnene Geschichten. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1983.
- Der heilige Doktor Fjodor Petrowitsch:** Die Geschichte des Friedrich Joseph Haass. Bad Münstereifel 1780 — Moskau 1853. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1984. (на русском языке — Святой доктор Федор Петрович: История Ф.И.Гааза. Лондон, 1985.)
- Im Willen zur Wahrheit:** Analysen und Einsprüche. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984.
- Worte werden Brücken:** Aufsätze/Vorträge/Gespräche. 1980—1985. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1985.
- Boris Pasternak.** «Bild der Welt im Wort». Stuttgart: Radius Verlag, 1986 (соавтор — Raissa Orlowa).
- Wir lebten in Moskau.** München und Hamburg: Albrecht Knaus Verlag, 1987 (в соавторстве с Raissa Orlowa) (на русском языке — Мы жили в Москве. Анн Арбор: Ардис, 1988).
- Der Wind weht, wo er will:** Gedanken über Dichter. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1988.
- Und dennoch hoffen:** Texte der deutschen Jahre. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1991.
- Waffe Wort.** Göttingen: Steidl, 1991.
- Rußland — eine schwierige Heimat.** Göttingen: Steidl, 1995.
- Будущее уже начинается.** М., 1995.
- Wir lebten in Köln:** Aufzeichnungen und Erinnerungen. Hoffman und Campe: Hamburg, 1996 (соавтор — Raissa Orlowa).

*Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания
Ильи Фальковского*